

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 32-й
№ 72 (4197)

Суббота, 18 июня 1960 г.

ЦЕНА 40 КОП.

К ИЗОБИЛИЮ РОДНОЙ ЗЕМЛИ!

В СЕСОЮЗНОЕ совещание специалистов сельского хозяйства завершили свою работу.

Его участники собрались в Большом Кремлевском дворце, чтобы обсудить некоторые вопросы дальнейшего развития сельского хозяйства, успехи тружеников деревни за последние годы общезвестны, и о них говорили участники совещания. Но вместе с тем говорилось и о том, как велики еще резервы! Вот один из примеров.

Ветеран колхозного строя, председатель артели имени Ленина Чувашской АССР С. К. Корюков в своем выступлении нарисовал яркую картину достижений колхоза. И привел интересное сравнение: в 1959 году колхоз произвел на сто гектаров 126 центнеров мяса и 330 центнеров молока, продав государству только за один этот год молока и мяса больше, чем за все пять лет, предшествовавшие сентябрьскому пленуму ЦК КПСС 1953 года! А в 1961 году и это, пожалуй, самое интересное, производство молока в артели возрастает в четыре раза, составив 1200 центнеров на каждые сто гектаров угодий. Значительно увеличилось производство мяса и других продуктов.

Вот как велики еще резервы даже в передовых хозяйствах!

Главный вопрос, обсуждавшийся на совещании, — внедрение научно обоснованных систем ведения хозяйства. Именно в этом — залог дальнейшего развития производственных сил советской деревни.

Совещанию в Кремле предшествовала большая творческая работа на местах. Более четырех тысяч специалистов, ученых и практиков, приняли участие в разработке обоснованных систем ведения хозяйства применительно к каждой из 39 сельскохозяйственных зон страны.

Прения по докладу министра сельского хозяйства СССР В. В. Мацкевича, начатые в Кремле со второй половины дня 15 июня, были перенесены в Тимирязевскую академию, в павильоны ВДНХ, в залы министерства, где работали 18 зональных и отраслевых секций. На секционных заседаниях разрабатывались конкретные рекомендации по специализации производства, по внедрению наиболее прогрессивных приемов ведения земледелия и животноводства для каждой зоны. В частности, на секции Западной Сибири, Урала и северных областей Казахстана единодушно одобрена для внедрения в производство некоторых районов системы обработки почвы и посевов, разработанная колхозным ученым Т. С. Мальцевым.

Во разработку рекомендаций, подтверждали участники совещания, лишь начало. Главное вперед — в творческом осуществлении этих рекомендаций. И в этом большое дело трудящихся родной земли — агрономов, зоотехников, ветеринарных врачей, инженеров. Вот почему на совещании так много говорилось о необходимости поднять роль специалистов, повысить их ответственность за осуществление прогресса во всех отраслях сельского хозяйства.

Г Е Р О И К А

Р АБОТНИК

 многоотражки пришел в котлован в бригаду бетонщиков. Нашел звеньевую Приходько.

— Мне бы что-нибудь... — Он хотел сказать «что-нибудь выдающееся», но не успел. Того позвали. Испортился перфоратор. Приходько снял верхнюю, начал возиться с инструментом. Иногда совал озабоченные пальцы в карман. Скоро перфоратор снова затрещал.

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

— Да, я слушаю.

— Мне бы что-нибудь...

ПРЕМИЮ — НА ШКОЛУ!

Это было нынешней весной. Михаил Шолохов получил письмо от своих земляков...

Вчера в беседе с нашим корреспондентом секретарь районного комитета Петр Васильевич Сердюк рассказал: — Это решение замечательно...

В ответной речи Михаил Александрович сказал: Дорогие товарищи, друзья!

Мы крепим и будем крепить дело мира. Надо и нам в этом году второму семилетку...

О юных днях в край родном. Где я любил, где отчаялся. Благодарю вас за эту сердечную встречу...

Митинг окончился, но картинцы долго еще не отпустили своего дорогого земляка...

Вышли в свет... Малишев Н. Встретимся на Облчане. 85 коп.

Мельшиш С. Молния в черемухе. Свердловское книжное издательство. 15 000 экз.

Рыбин А. Офицеры. Роман. Оренбургское книжное издательство. 466 стр. 30 000 экз.

Сомов В. Родины счастья. Стихи. Костромское книжное издательство. 63 стр. 2 000 экз.

Старинов В. Избранное. (Предисловие Е. Пермяка). Свердловское книжное издательство. 320 стр. 15 000 экз.

Увалов И. Родник. Очерки и рассказы. Владимирское книжное издательство. 88 стр. 5 000 экз.

БОЕЦ пожарной охраны товарищ Костенко

Леонид Лиходеев. Так вот ровно посередине между этими двумя непримиримыми, взаимно-исключающими галереями...

Я не знаю, расхотится ли слово с делом у святого. Но ханжество наших великопостников известно даже святым.

У мешаннина очень точное, утилитарное отношение к вещам. Вещи — либо ценность, либо предмет конкретного назначения.

Для него Афродита — только голая баба, а любовь — только незаконная связь.

Сам-то он в этих делах гораздо прворнее Шекспира и уж, конечно, считает дураком Павку Корчагина за эпизод с Христиной.

Для него красивая женщина — обязательно стерва, а парень, пришедший в гости к дочери, — обязательно жених.

Весь комплекс его эстетики заключается в том, чтобы его не обогорили при помощи различных романтических «брёдей».

Товарищ Костенко — человек средних лет с начальным образованием. Он никогда не был ни в Эрмитаже, ни в Лувре.

Он работает пожарным и умеет складывать печи, крыть крыши и делать оконные переплеты.

Он своими руками построил то самое помещенье, в котором ему суждено было совершить нехороший выпад.

Начальство сурово отнеслось к фламандской школе живописи. — Что это еще за голая баба в служебном помещении?

Конечно, Рубенсу не обязательно вить в служебном помещении. Но дело ведь не в этом, дорогой читатель!

Рубенс молчал. Влияние фламандской школы на формирование вкуса пожарных прекратилось.

Товарищ Костенко — человек дисциплинированный. Он не ослушался. Дома он действительно развешивает «развратные картины».

И надо отметить, что среди этого беспорядочного, но, несомненно, ценного собрания репродукций нет ни одного ядовитого лебеда, ни одного белого парохода под ресторанным пальмом.

За стеною живет мать товарища Костенки. Там тоже галерея. Там — иконostas. Там — картины упрятанные в ризы, в клобуки, в хламиды, в бороды и т.д.

Товарищ Костенко уважает мать. Но он не уважает религию. На его половине собирается все, что делалось людьми для жизни, на половине матери — все, что делалось людьми против жизни.

БЕЛЫЕ (начитывается)

пассаж здесь ни при чем. Наоборот, они изо всех сил старались вытолкнуть людей, чтобы любовь началась с любви, красота — с красоты, чувство — с чувства...

Один хороший мальчик как-то раз откровенничался со мной и, безумно стыдясь, рассказал, как его отец, отпуская «в люди», строго наказывал лет до двадцати пяти ни с кем «не расписываться».

Мальчик нутром чувствовал мерзость отеческого благословения. Но страдал он еще и потому, что любил и не мог понять — закона ли его любовь.

Я не боюсь, что он «ударится в разврат», пойдет в парк и станет мазать статуи физкультурниц. Я не боюсь, что он будет по-жербовски гыкать перед стыдливой Медвеевской Венерой.

А ведь гыкают. И мажут. Что там говорить о Венере. Наши парковые физкультурницы олеты куда богаче Венеры, и все равно не помогают.

Конечно, лучше всего убрать Венеру с чертам, чтоб не развлекли нездоровых инстинктов. Убрать, и все!

Но позволить! Откуда убрать? Где они, эти мраморные очаж разврата? А их нету. Нету мраморных очаж, и все тут. А если такой очаж где-нибудь обнаружится, — к нему немедленно под душераздирающий вой сирен слетаются раздирающие и с ходу, еще не успев остановиться, обращают общественное внимание на отсутствие штанов.

И признак этот становится выдающимся и главным. О чем можно вообще разговаривать на этой основе?

Эстетическое воспитание, конечно, не самоцель. Но у нас мало, безумно мало репродукций и копий с настоящих классических произведений.

Гораздо меньше, чем великопостных иррационалов.

Есть вещи, которые необходимо рассказывать детям заблаговременно, пока они еще не стали брандмейстерами.

Есть прекрасные легенды, красивые скульптуры и великолепные мифы, которые не уводящие от реальности. Занимаются ли этим как следят школы? Нет, дорогой читатель, они не занимаются.

Я спросил шестиклассника об Аспазии. Он подумал и сказал, что, наверно, это древняя гречка. Его учительница покрусила. Она покрусила потому, что за двадцать пять веков ния свободной, талантливой прекрасной женщины, передаваемые из рода в род устами ханней, превратилась в неприличную ния гулящей девки.

Одна мамаша на вопрос дочки-школьницы, почему Татьяна не ушла с Онегиным, ответила очень вразумительно: — Так у нее ж муж генерал!

Вот вам и «энциклопедия русской жизни»... Автобусная пассажирка рассказывает о фильме «Дама с собачкой»: — У нее — муж, у него — жена, а что вытворяют!

Вот вам Чехов с его чувством прекрасного... И Пушкин, и Чехов, с точки зрения мешаннина — писатели «законные». Но это не мешает ему толковать взгляды этих классиков, исходя из своей грешной этической программы.

Ясное дело, при этой программе Микеланджело — неприличный скульптор, Рубенс — неприличный художник, а Толстой — и говорить нечего — хощь справлял юбилей каминой день.

Мешаннин выстроил замочную скважину перед прекрасным и возвышенным, заслонив их своими погаными утилитарными воззрениями.

И не возле этой ли скважины возникают истоки безразличности, на которую ссылаются ханжи, оправдывая свое стремление натянуть на Афродиту трикожажные рефтузы?

Ярко светит, куролесит над землей, шутит, смеется веселое и щедрое июньское солнышко. Это оно, жаркое и ласковое, упрятало молодых людей в прохладной тени у студеного И. И. конечно, это оно, доброе солнышко, помогло сейчас парню найти те самые главные, самые чистые слова, которые так взволновали и смущали подругу...

„Золотое дерево“

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

ЖАВОРОНОК ЗАПЕЛ

Я рассказал о трех деревенских вечерах, породивших в нас немало радостных дум. Тага к искусству, к прекрасному и возвышенному давно живет в нашем народе.

В свое время, когда, например, в сельском хозяйстве не хватало специалистов, было организовано огромное количество специальных школ и долгодлительных курсов.

В своем урочном мире выехали из Янаула. Зеленый мир был тих и светел. В небе запел жаворонок. Вдруг над жаворонком, оставшая белую полосу, пронесся реактивный самолет.

Солнечным утром мы выехали из Янаула. Зеленый мир был тих и светел. В небе запел жаворонок. Вдруг над жаворонком, оставшая белую полосу, пронесся реактивный самолет.

теперь специалистов по искусству. Задачи подготовки режиссеров для народных театров, руководителей народных оркестров, хоров и танцевальных коллективов, руководителей сельских школ, учителей по музыке и рисованию...

Ясауи и Зариповы, конечно, ведесть. Но им нужны опора и помощь. Конечно, учреждения искусства и творческими союзами селу оказываются шефская помощь.

Солнечным утром мы выехали из Янаула. Зеленый мир был тих и светел. В небе запел жаворонок. Вдруг над жаворонком, оставшая белую полосу, пронесся реактивный самолет.

В свое время, когда, например, в сельском хозяйстве не хватало специалистов, было организовано огромное количество специальных школ и долгодлительных курсов.

В своем урочном мире выехали из Янаула. Зеленый мир был тих и светел. В небе запел жаворонок. Вдруг над жаворонком, оставшая белую полосу, пронесся реактивный самолет.

Литературной Газеты

ЧЕРНЫЕ ПРИЗРАКИ

СТУЧУСЬ в низкий, беленный, совсем мирный, идиллический по виду домик под матовой от пыли железной крыши:

— Здесь живет семья Черниковых? Отвечает сутуловатый смуглолицый человек в железнодорожной форме.

— Кому это вы занадобились? Интересно... Я вынимаю из кармана письмо, написанное им, Парамоном Петровичем Черниковым, и его детьми — Виктором, Валентиной, Николаем, — письмо, полученное несколько дней назад редакцией.

«Нам постигло такое несчастье! Наша мать Ирина Филипповна Черникова, 1914 год рождения, бросила нас навсегда по приказу секты пятидесятников-трастов... Ездит по городам со свечам проповедником... проповедник из Воркуты, недавно вышедший из заключения... И они создают научный знезда новых сект и распространяют религиозную литературу...»

— так начиналось это письмо из Валдуек маленького городка на Белгородщине. Парамон Петрович широко распахивает дверь: — Заходите... Ребята все дома...

Ребята густолицые, смуглые, как отец, и так же реагируют на рассказы о матери. В голосах — несдерживаемая боль... Виктор, младший Черников, недавний школьник, откровенно всхлипывает. Тяжело... Прямо невозможно тяжело! Вон на гвоздике мамкин полшалаф, на комод — ее зеркало... В шкафу — ее платье, в ящике стола по-прежнему хранится значок «Отличный стрелок», полученный ею еще в молодости... А самой ее нет. Ни словечка, ни строчки с того осеннего вечера прошлого года, как бежала она из дому, в котором прожила чуть не тридцать лет.

Что сделали с ней слуги «бога милосердного»? Уже не материю, не жену, не человека понаидала она Валдуки по заданию пятидесятнической главварей, а безвольной божьей рабой с душой, спальной мраморным огнем фанатизма.

Наш разговор заходит в тупик, едва начинаются рассказы о том, что же в конце концов это за племя злобное — пятидесятники-трасты. Кажется, даже ворс на спортивных джемперах сыновей Черникова ошетинился...

— Об этом никакими словами не расскажете... Сами побывайте там на радениях, — твердят они. — Это на Казацкой, у Предыбайло... И вот я там...

ПОДМОЧЕННЫЙ ПОРОХ

Круглые, желтые, как копейки, глаза сестры Нины Предыбайло лихорадочно бегают по восковым страницам, от которых несет запахом глена. Высокий визгливый голос бросает визн, на головы коленикопреломленных людей, невообразимо древние, исполненные темой силы унижения слова: — Блаженны нищие духом...

И в ответ катится тусклым эхом: — Блаженны... Тяжелый полумрак плавает в доме Нины Предыбайло. Занатый солнечный луч проводит кровавые мазки по голтым белым стенам, чуть освещает покорно согбенные фигуры молящихся.

Все быстрее и быстрее читает пророчица, все визгливей, истеричней, ладриной звучит ее высокий голос, лихорадочные пятна выступают на серой коже коленикопреломленных, возмуждене крупной дрожью проходит по телам... И вот неестественно, словно во внезапном параличе, перекашиваются рты, вылезает из орбит помутневшие глаза, и брызжут из них крупные слезы, рвутся из охрипших глоток протяжные вопли... Кажется, что попал в палату буйно помешанных...

Началась «беседа с богом»... — страшное, изуверское пятидесятническое радение. Кто эти люди, собравшиеся у Предыбайло? Неужто наши современники? — Дергается, как в припадке, стройное тело молодой женщины, работницы ателье Маши Ланной. «Господи слава, господи не погуби!» — выкрикивает она почти в беспомощности... Беспорядочными ударами в костлявую грудь нагряждает себя Елена Гребенюкова, мать семерых детей, которые бродяжат по городским улицам голодные, грязные, обтрепанные, почти безпризорные, пока она «спасает душу», «замаливает грехи» или выполняет хозяйственные поручения сестры Нины: ведь Гребенюкова своего рода наперсница и служанка пророчицы...

Стоит, покорно сложив на груди нагрудные рюни, женщина с изможденными глазами, впереди негодяя, нагая, сползшая ширью южного моря. Хорошей! Спасибо, солнышко! Ты помогаешь мечтать, ты умеешь согреть не только спины, но и наши сердца!

Стоит, покорно сложив на груди нагрудные рюни, женщина с изможденными глазами, впереди негодяя, нагая, сползшая ширью южного моря. Хорошей! Спасибо, солнышко! Ты помогаешь мечтать, ты умеешь согреть не только спины, но и наши сердца!

Элла ЧЕРЕПАХОВА

моя, бледным лицом — Прасковья Зубехина, шутякут валуевского прокомбината. Борька, бесцельно ваялся на пол, потерявшая сознание старушка Беззодкова. Она давно уже расстроила свое здоровье жуткими обрядами, но предпринимавшая пророчица Нина продолжает касать ее на моления.

А проповедница, между тем, багровая, с искаженным потным лицом, все подстигает «обращенных», изо всех сил поддерживая вызванное ею во вселихих сильное нервное потрясение... Еще минута, и начнется самое главное: «духовная баня» (ненелюозразные звуки) вырвется из глотка уже не владеющих ни рассудком, ни языком людей — звуки, которые сектанты выдают за «речения на иных языках».

Пятидесятники проповедуют, что на своем языке ничего бога не поведаетшь: то мирской, поганый язык... Бог только иностранные речения понимает, иностранными словами вымлет. Сектанты гордятся тем, что самое их учение «пришло из-за моря»...

А точнее говоря, американские миссионеры занесли к нам в 20-х годах бактерию пятидесятничества — учения об «истинном», «живом» боге, чей «святой дух» нисходит якобы на «праведников» в 50-й день после Троицы и одаряет их «пророческим прозрением».

Основа ядовитого и лживого учения пятидесятников — в евангельских прописях, проповедующих всепрощение («не пожелай зла» даже врагу родины) и полный отказ от мирской суеты, то бишь от общественной и гражданской деятельности, учебы, от мира литературы и искусства, а взамен — лишь страх перед страшным судом да унижительные обряды, повержающие людей физически и морально. И при этом сектанты повсюду бубнят: — Ничего дурного не делали... Против власти ни-ни... Всякая власть от бога, всякой и покоримся... Хотя советской, хоть иной канкой...

Упорство, с каким Нина Предыбайло, как и другие главы сектантских общин, внушает верующим, что «на всем иностранном лежит благодать», принимает отнюдь не божественный, а очень земной характер. И белые итнички, которыми шты эти «проповеди», ведут прямо к новому правилу, принятому недавно валуиской сектой: стоят

«пророчице» указать, как на брата или сестру во Христе, на какого-нибудь захочего человека, и любой из верующих должен быть готов нажорить, напоить незнакома и укрыть его от милиции и других органов Советской власти. Сестры подчиняются, платя долг за поддержку, оказанную им сектой в минуты их большого личного горя и одиночества (минуты, которые сектанты обычно и подстергают для вербовки).

Не укладывается ни в сознании, ни в сердце, как могла хранить спокойствие самостязоющихся людей чуть не каждый вечер разносилась по городку, когда рядом, что называется, через улицу от районных организаций, сектанты калечили физически и нравственно десятки людей! Как все это можно было терпеть не то что целые годы, а хоть день, хоть час! Как можно было не увидеть единственно возможного выхода: подняться и пойти в наступление на этот очаг мракобесия.

Времени все не хватает, — уныло сетует товарищ Дементьев, первый секретарь Валуиского района комсомола. — Да к тому же Предыбайло, (Окончание на 6-й стр.)

СОЛНЦЕ В ЗЕНИТЕ...

Солнце растопило лед на рене, поэтому у любви, гадя динких купаний, ним особые счелы. Он недоволен. Он мечтает о январских морозах. Здесь ничего не смеешь — делю акус...

Фото читателя Е. Горбачева

В руке любимая рука, ласковое солнышко над головой, впереди негодяя, нагая, сползшая ширью южного моря. Хорошей! Спасибо, солнышко! Ты помогаешь мечтать, ты умеешь согреть не только спины, но и наши сердца!

Стоит, покорно сложив на груди нагрудные рюни, женщина с изможденными глазами, впереди негодяя, нагая, сползшая ширью южного моря. Хорошей! Спасибо, солнышко! Ты помогаешь мечтать, ты умеешь согреть не только спины, но и наши сердца!

Стоит, покорно сложив на груди нагрудные рюни, женщина с изможденными глазами, впереди негодяя, нагая, сползшая ширью южного моря. Хорошей! Спасибо, солнышко! Ты помогаешь мечтать, ты умеешь согреть не только спины, но и наши сердца!

Стоит, покорно сложив на груди нагрудные рюни, женщина с изможденными глазами, впереди негодяя, нагая, сползшая ширью южного моря. Хорошей! Спасибо, солнышко! Ты помогаешь мечтать, ты умеешь согреть не только спины, но и наши сердца!

Стоит, покорно сложив на груди нагрудные рюни, женщина с изможденными глазами, впереди негодяя, нагая, сползшая ширью южного моря. Хорошей! Спасибо, солнышко! Ты помогаешь мечтать, ты умеешь согреть не только спины, но и наши сердца!

Литературная Газета

ЧЕРНЫЕ ПРИЗРАКИ

СТУЧУСЬ в низкий, беленный, совсем мирный, идиллический по виду домик под матовой от пыли железной крыши:

— Здесь живет семья Черниковых? Отвечает сутуловатый смуглолицый человек в железнодорожной форме.

— Кому это вы занадобились? Интересно... Я вынимаю из кармана письмо, написанное им, Парамоном Петровичем Черниковым, и его детьми — Виктором, Валентиной, Николаем, — письмо, полученное несколько дней назад редакцией.

«Нам постигло такое несчастье! Наша мать Ирина Филипповна Черникова, 1914 год рождения, бросила нас навсегда по приказу секты пятидесятников-трастов... Ездит по городам со свечам проповедником... проповедник из Воркуты, недавно вышедший из заключения... И они создают научный знезда новых сект и распространяют религиозную литературу...»

— так начиналось это письмо из Валдуек маленького городка на Белгородщине. Парамон Петрович широко распахивает дверь: — Заходите... Ребята все дома...

Ребята густолицые, смуглые, как отец, и так же реагируют на рассказы о матери. В голосах — несдерживаемая боль... Виктор, младший Черников, недавний школьник, откровенно всхлипывает. Тяжело... Прямо невозможно тяжело! Вон на гвоздике мамкин полшалаф, на комод — ее зеркало... В шкафу — ее платье, в ящике стола по-прежнему хранится значок «Отличный стрелок», полученный ею еще в молодости... А самой ее нет. Ни словечка, ни строчки с того осеннего вечера прошлого года, как бежала она из дому, в котором прожила чуть не тридцать лет.

Что сделали с ней слуги «бога милосердного»? Уже не материю, не жену, не человека понаидала она Валдуки по заданию пятидесятнической главварей, а безвольной божьей рабой с душой, спальной мраморным огнем фанатизма.

Наш разговор заходит в тупик, едва начинаются рассказы о том, что же в конце концов это за племя злобное — пятидесятники-трасты. Кажется, даже ворс на спортивных джемперах сыновей Черникова ошетинился...

Театр
имени Г. Сундукяна
в Москве
*
Снимается
фильм
о герое
*
Стихи
Евгения
Винокурова
*
Рассказ
Дмитрия
Холендро
*
За рубежом

ЕРЕВАНСКИЙ театр имени Г. Сундукяна закончил гастроли. Положение критика обязывает сделать обзор всех показанных в Москве пяти постановок — похвалю оценит активную работу театра над современной темой, правильность отбора классических произведений, указать на общие достижения и отдельные недостатки в актерской игре, на значительные успехи и отдельные срывы режиссуры. Но изменен обычно и не stiamo — даже в дни экзаменационной сессии — расставил актеров и режиссером отметить. На этот раз хочется похвалить о стальных особенностях театр и целого.

Реализм Театра имени Г. Сундукяна многогранен и яростен. Имена Ваграма Палазана, Гречи Нерсисяна и иные покойные Вагариша Вагариша знаменуют не только крупные актерские индивидуальности, — эти выдающиеся дарования определяют собой мощную струю национального стиля, слияние возвышенного с правдивым, образного и живописного с психологически углубленным изображением человека. Эта ведущая стилистая тенденция существует не только в

Новости ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

МАСТЕРСТВО ТЕАТРА

мическое, претерпев сложную драматическую эволюцию, утверждаясь в своем большом человеческом и общественном значении. Мы говорим о центральном образе спектакля «Хаос», Микаэле Алимяне, как его сыграл Бабакен Нерсисян.

В этой постановке В. Аджемияна не все равномерно — в эстетическом развороте спектакля порой неуживо замедляется ритм, а среди ярких сценических ролей попадаются и вялые, бытовые решения. Но главное в спектакле звучит отчетливо и сильно. Идет отчаянная борьба за наследство — в центре сражения средний из братьев Микаэл, человек инстинктивный, решительный. В порывах и нервной манере его Нерсисян подчеркивает, что его герой — конь без узды, что это вольный, которому хорошо уже потому, что объявлена война.

И вдруг этот воинственный герой на полном ходу сбив с ног. Гордый лев бакинское «высшего света» получает публичную пощечину... И здесь актер показывает, что у его героя бесчестие породило предательство о чести. От сцены к сцене на наших глазах менялся не только характер героя, — менялся характер актерской игры, через комедийные пластичные роли все отчетливее проступал глубокий драматизм исполнения. И происходило это потому, что в недрах характера героя росла новая личность, почти на пустом месте воздвигалась новая и сильная натура, которая росла и крепла по мере столкновения с окружающей средой. Поле боя становилось все шире, а самый бой решительней и ответственней.

И вот Нерсисян уже предстает перед нами как трагический актер, а герой его, став, наконец, человеком, шлет проклятие миру собственничества.

Из глубин человеческого характера театр извлекает масштаб и силу своего поэтического искусства. Но он, конечно, терпит поражения, если актер или режиссер ощущают живой и трепетный мир героя лишь приближительно. — В этих случаях стиль театра как бы поворачивается своей оборотной стороной. И тогда импровизация и устойчивая форма традиционного исполнительства тушит горячий пламень сценической поэзии, и тогда нарочито подчеркивая и расщепляя комедийная игра умешивает обаяние и неповторимость характера, а лирическое прекращающее полмяняет простую и трогательную правду души чем-то сугубо сентиментальным.

Сказанное имеет скорее профилактическое значение, хотя некоторые примеры нарушения норм стиля можно было бы привести и сейчас. Но это уже дело конкретного рецензирования, которыми сегодня мы решили не заниматься.

Близится сорокалетие Советской Армении. И мы уверены, что театр имени Г. Сундукяна в этот день покажет спектакли, в которых героическая тема современности звучит во всю силу вдохновенного мастерства.

Г. БОЯДЖИЕВ

В глаза ударили яркие лучи. Goal! Ну, конечно же, виновато только солнце... Фото читателя В. Бибю

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

350 ТЕЛЕФОННЫХ ЗВОНКОВ... ...прозвонено в течение получаса на американской телестанции, принадлежащей радиокомпаниям Коламбия брадкэстин систем. Зрителям специально выделено место в студии. В эфире по роману американца Пэта Фрэнка «Улы, Валлоно!» Вратце сюжет его сводится к следующему: на США нападает некая могучая держава, и после нескольких часов ядерной войны страна подвергается атаке, лежит в руинах. Остался невредим лишь небольшой городок во Флориде — своеобразный «Ноев ковчег», — уцелевший в хаосе войны. Автор телепоэстики с завидной щедростью инсценировал ужасные последствия водородной бомбежки.

И начался звонки. Они были вызваны страхом, тревогой и возмущением. Зачем, в то время как в Голландии идут переговоры о разоружении, показывать вещь, в которой агрессор весьма недвусмысленно ассоциируется с Советским Союзом? К чему поощрять тех, кто поставил роман ужасов о неизбежности третьей мировой войны с весьма прозрачным и злонамеренным подтекстом?

Остается лишь добавить, что за спиной Пэта Фрэнка стоит более чем ослепительная эксплуатация «атомной жизни», которую всеми возможными средствами пытаются подкрепить доброе намерение своего народа жить в мире и согласии с народами других стран.

ЧИТАЛИ ЛИ ВЫ СИОРАНУ! С таким вопросом настойчиво обращается литературный обозреватель парижского еженедельника «Ар» Роже Нинье к читателям. Он спрашивает их об этом дважды: на первой и в четвертой страницах, спрашивает не из праздной любознательности: заголовок статьи Нинье, как явствует из ее содержания, мог бы увенчиваться не вопросительным, а восклицательным знаком: «Прочтите Сиорану! Прочтите его книгу «История и утопия», только что вышедшую в издательстве «Галлимар»».

Отвечать критику из «Ар», что нам приходится читать Сиорану и писать о нем на страницах «Литературной газеты», М. Сиоран в своих философских эссе с жаром стремился и нести вклад в раздувание «холодной войны», сая рознь и неприязнь между народами. В книге, которую рецензирую «Ар», собраны именно эти эссе, сгруппированные по известности, и навязывание их читателю свидетельствует о том, что кое-кому хочется возродить атмосферу «холодной войны».

М. Сиоран пишет витиевато. Автор рецензии приводит в восторг такие красоты его стиля: «Феномен, не имеющий себе подобных: Россия должна оправдывать свои захватнические намерения безгранично своим пространством. Поскольку у меня достаточно, почему бы не получить еще большего? Таков скранный парадокс и ее требований, и ее умалчиваний...»

Желая похвалить модного эссеиста, «Ар» пишет, что его книжка обладает красотой «подземный тон». Мы охотнее назвали бы его «загробным», настолько от приведенного выше и других высказываний Сиорана все теми временами, с которыми народом тогда решительно покончить. «Ненависть — вот жизненная сила, заключенная в каждом», — так резюмирует Нинье сущность философии автора «История и утопия», утверждая, что «цивилизаторский читатель во второй половине XX века будет чувствовать себя как дома, открыв книгу Сиораны».

Трудно сказать, что разумет Роже Нинье под словом «цивилизация» и почему он не предлагает философу выразить свой морально-этический кодекс в короткой заповеди: «Убий!». Стиль от этого стал бы еще выразительней и изящней.

Между прочим, все в ней основано на фактах. Я услышал от моих собеседников, сравнивавших когда-то в этих местах, историю, воскрешенную в сценарии Леонида Зорина, Александра Алова и Владимира Наумова, историю одной немецкой женщины, найденной нашими солдатами в последний день войны почти бездыханной в овраге. Сквозь огонь фашистских батарей, потеря по дороге шофера машины, наши солдаты доставили в советский военный госпиталь, и здесь она родила сына. Мир входил в жизнь, — приветствовали наши раненые солдаты появление на свет нового обитателя земли.

...Это было рассказано у памятника Ивану Ладущкину, который в дни, когда родился этот немецкий мальчик, отдал свою жизнь, чтобы над каждой колыбелью всегда звучало: МИР ВХОДЯЩЕМУ!

г. Ладущкин, Калининской области

РАССКАЗ

Дмитрий ХОЛЕНДРО

Ночной разговор

Твои ноги прожгли свое быстрее тебя. Вот и все. Этот доктор оказался мудрее нас.

— Мудрецам верит на слово только дурак, Ленка. Я попался. Ну, и ладно. И дай мне папироску. Всего одну.

— Нет.

— Глупо меня мучить! Ведь уже не будет хуже. И так — плохо.

— Тебе больно, когда лежишь?

— Нет, что ты. И когда хожу, — не больно, даже забываю. Валентин уютные. Я о другом. Что-то с тобой плохо, Ленка. Я ведь знаю, почему ты не спишь... Ленка! — громко позвал он. — Ты снова плачешь? Глупая. Ну, отвечай же. Я не хочу, чтобы ты молчала.

— Когда ты называешь меня Ленкой, я только вспоминаю. Аким.

— Ты горюешь?

— Я счастлива.

— Если бы я знала, что это правда!

— Это правда.

— Но ты плакала. Ты всегда плачешь тихо. Или никогда не плачешь. Не знаю.

— Ты не плачь. Ленка. Чем я утешу тебя? Одним... Такой, какой я есть, я всегда буду с тобой.

— Убери пальцы с моих глаз... — Иной раз мне кажется, что мы только что встретились. И ничего еще не было. И все это неправда: Таежная, север, Теберда... Может, лучше, если бы этого не было? И ты не знала бы меня? Лучшее?

— Все было, Аким. И ничего не забудется. Никогда. Ни те таежные сопки, ни эта степь, где мы начертили свою последнюю карту.

— Еще будет!

— Это неважно. Было так хорошо!..

Лена приподнялась на локте и говорила, нагнувшись над Акимом, глядя ему в лицо, чтобы он увидел ее улыбку. Но свет луны был слишком слаб и бесцельно таял, не доставая до кровати. И Аким почти не видел лица Лены и мог догадываться об улыбке только по голосу.

Лена вспоминала, как вела трассу нефтепровода по тайге. Как она жила со своей маленькой группой в будке паромщика у бурной реки, и Аким спустился однажды с верховьев этой реки на бревно, весь изъеденный комарами. Они натановили простыни над чьей-то лодкой, вытатенной на песок, набросали в лодку веток и спали там две или три ночи.

— Помнишь?

— Да, — сказал Аким. — Я тоже хорошо это помню. Только я боюсь поверить себе... До сих пор не всегда верю, что ты со мной... А Лена со страхом и тоской развела: больше ничего не будет — ни одной разведки, ни одного похода. Ноги Акима требовали покоя, и страшный день расставания пришел раньше, чем она ждала его. Не пришел, а нагрянул.

— И Теберду я вспоминаю иногда, — сказал Аким.

— А я помню. Помню всегда. Это со мной. Как будто с тех пор не прошло ни часа.

— Как же ты ухитрилась не соскучиться? — пошутил Аким. — За столько лет!

— Я их не считала. Я повзрослела на два или три твоих канала, шесть или семь твоих дорог. Больше ничего.

— Я тоже не чувствую себя старым, — признался Аким. — Но время-то не зевало. И вот я ношу летом валенки, которых никогда не надевал, даже зимой!

— Скоро ты вернешься к жене и детям, — сказала Лена. — И все наладится.

— Тогда Аким рассердился.

— У меня нет никого, кроме тебя, — закричал он. — Ты одна. Ты — мать отряда и моя жена.

Да, ее никогда и никто не называл иначе. Ни в одной экспедиции. Ни в далекой тайге, ни здесь. Их всех породнили горы и степи, и дороги, и бездорожье. К ней приходили потолокуют, занять лекарства раскосые золотоспальники из тайги и абхазские пастухи. Они спрашивали жену начальника. Люди из отряда, с которыми она своими ногами «пробовала» географию, разный народ, герои и жулики, находившие первую радость в нелегкой работе, часто повторяли одно и то же: «Наша мать нас кормит, одевает, деньги взаими дает». Она учила их держать рефки, выдавала им завтраки и свежие носовые платки на рассвете.

И вот она покидала их и Акима.

Вчера из Москвы пришла телеграмма. Их проект утвержден.

Мужчины пили водку. Аким закусывал, держа в левой руке вилку, а в правой — папироску, чтобы Лена не отняла. Но она и не думала отнимать. Она позволила себе и ему эту радость. Он пировал, и она тоже веселилась, хотя сердце ее сжималось от боли за него и за себя.

— Ты поедешь со мной, в Москву, — твердо сказал Аким.

— Нет, дорогой, — ответила она. — Тебя ждут. Пятнадцать лет.

Она говорила, перебирая его мягкие волосы непослушными пальцами. Ревматизм все чаще мучил ее в последние годы. Ну, куда им вместе ехать, двум больным старикам? Она и присмотреть-то за ним, наверно, не сможет, как надо. Она уже все решила... — Поужай к детям, Аким. Их нельзя называть сейчас, когда они наконец дождался. — Чепуха! — снова крикнул он сгорая. — Какую чепуху ты говоришь! Никогда я не поеду без тебя! Ни за что! Это ты хочешь меня теперь оставить? Инвалида, с прокуренной кровью!

— Не ворчи. Ты знаешь, что это не так.

— Почему же ты поехала со мной в первый раз? — спросил он.

— Если бы ты сразу сказал, что у тебя двое маленьких сыновей, я бы могла, набралась тогда мужества и пошла. Но ты не сказал.

— Я боялся, что ты повернешь. Но ведь потом, когда ты все узнала, Ленка, ты осталась.

Твои ноги прожгли свое быстрее тебя. Вот и все. Этот доктор оказался мудрее нас.

— У меня уже не хватило мужества повернуть.

— Теперь ты мстишь? — с удивлением спросил он.

— Разве я знаю, что такое мсть? — она даже засмеялась. — Нет, Аким. Ты всегда ругал меня за красивые слова. Но я так и не исправилась. Слушай, что я скажу тебе. Как-то я смотрела в небо: журавли летели. Их клонил ветер, но они выравнивали строй. Я не выровняла. Меня унес ветер. Зато я увидела страны, которых не видели журавли. И я снова и снова, даже во сне, должно быть, буду повторять свою жизнь, только эту, и никакую другую.

— Без меня?

— Да.

Теперь он засмеялся густым и тихим, как обычно, смехом:

— Но это невозможно. Ленка. Я давно должен был сказать обо всем матери своих сыновей... — И убить их? Я грозил тебе, что лучше убью себя. Так и будет. Подумай, почему та женщина не оставила тебя сама? Просто из-за разлук, из-за тоски? Ведь столько было разлук! Она думала о детях. Прости меня, но я тоже немножко их мать. Ты для них — не очень знакомый, необычный и заманчивый человек. В их глазах отец — разведчик будущего, ходит в высоких сапогах по неведомым камням и болотам... — Он ходит в валенках по сухой траве.

— И ведет за собой вуду, тняет рельсы и трубы, по его следам в безмолвие проникает жизнь. Их мутью всегда была твоя работа.

— Нет! Пусть они будут кем угодно, только не заскучат.

— Ты трусишь за них, Аким?

— Просто я надобряждался за них.

— Они пошли за тобой, когда ты сделал первый шаг.

— Не хочу, Ленка.

— А если бы ты узнал, что старший поступил на твой факультет?

— Я уже знаю, — сказал Аким горестно.

— Что же ты ему ответишь?

— Смысловя привьюки к моему молчанию. Я часто снимался с места на место, подолгу не отвечал им. Да и дома больше молчал.

— Теперь ты вернешься к ним совсем, дорогой. Ты можешь им.

— Как? Буду твердить, чтоб не женились? Не рожали детей? Писать в газеты, чтобы строили для изыскателей передвижные дома и передвижные школы для их потомства?

— Влюбляться будут и в передвижные поселки. Ты еще не знаешь, о чем они спосрут. Но у тебя есть что сказать им.

— А ты?

— А я исчерпыв.

— Я не отпущу тебя! У меня, действительно, есть что сказать им. И я скажу им все. О тебе.

— Что ты! Они не поймут и не простят.

— А ты хотела бы иметь своих детей, Ленка? — спросил Аким, помолчав. — Почему ты никогда не говоришь мне об этом? Ни слова.

— Ты не спрашивал. И потом... Еще в детстве я прочитала, что есть пустые слова. Это меня предостерегло.

— Ты не любишь меня, вот что...

— Неправда.

— Минуту назад ты сомневалась в этом.

— Нет.

— Тогда больше никаких слов, никаких воспоминаний, ничего! Ты останешься со мной. Слышишь? Ты останешься? — да?

— Я по-прежнему в твоих руках, — сказала Лена. — а они у тебя еще такие сильные. Ты держишь меня, как кусок глины. Можешь вылить воду.

— Успокоенно пошарил рукой под подушкой и вздохнул.

— Если бы ты дала мне закурить!

Папирос под подушкой не было. Он сунул их туда вечером, но она вынула, когда он уснул.

Аким опять глубоко вздохнул, коротко, устало протонал сквозь зубы и затык. Он, видимо, очень маялся без своего курева... Лена встала.

В этот миг она почему-то вспомнила глупую девочку, которая мечтала сделаться знаменитой актрисой. Вспомнила и улыбнулась. Все вышло лучше в жизни, куда лучше!

У нее дрожали руки, когда она застегивала пуговицы на платье. Как она ни берегла сон Акима, как ни старалась все делать тихо, вдруг со стуком отщелкнулся замок на чемодане. Лена прижалась его рукой и взяла чемодан в обнимку, подумав, что закроет на улице.

У жиденькой дощатой двери она замерла. Она захотелось оглянуться. Она поняла, что ей справится с собой. Неожиданно сердце отжалелось, и показало, что эта невероятная, невысказанная, неполовецкая тяжесть сожгет ее. У нее закружилась голова.

Лена отпустила чемодан и когда в нем держалась рукой за стену, подумала. Чуть-чуть приоткрыла марлевою занавеску. Это не помогло ей, хотя стало заметно светлее. На стену от подушки падала большая тень. Лица не было видно. Но Лена хорошо помнила его до мельчайшей черточки. Три таяные морщины на лбу, ровные, как рельсы. Большие губы и светлые, блестящие глаза в мохнатых ресницах.

Светало робко, несмело, точно день с опаской набирался сил для стеной широты.

Лена шла по степи напрямик, без дороги, да она и не увидела бы ее. Она знала, что в той стороне была станция.

«Я счастливая», — повторяла она себе.

Вот только беда — очень уж тяжел чемодан. Не дотащить, правда. И так еще далеко! Взять бы отрядную полсотню, а у станции бросить с запиской. Аким простил бы. Она умела править машинкой, как умела и перечерчивать по сто раз карты, и варить суп.

Но ключи лежат на подокознике, возле короби со швейной машинкой. Снова возвращаться туда нет сил. Минору разбудить Акима... Это было невероятно, но она ухитрилась от него. И больше никогда не будет она узнавать, куда направляется его отряд.

Она ухитрилась, но все оставалось с ней. Ничего нельзя было забыть. Потому что жизнь не останавливалась, не обрывалась. Просто однажды она переполняла человека до краев, и все.

ПАМЯТИ ВИССАРИОНА САЯНОВА
Библиотечного института О. Стрелкова. Они рассказали о творческом пути покойного поэта, о встречах с ним и прочли посвященные ему стихи. Надпись на мраморной доске гласит:

В этом доме с 1934 по 1939 г. жил поэт Виссарий Михайлович Саянов. ЛЕНИНГРАД 17 июня (Наш корр.)

Строгие восковые малоподвижные лица. Но какие глаза у демонстрантов, когда они поют «Интернационал»!

А. ГУДАТИС-ГУЗВИЧИУС

КОГДА гид компании «Джалан» трезвэл бюро... «Вот видите, трюбка почтов...» — мы все были очень тронуты.

во всю грудь — красные и цветные перевязи с лозунгами. Агитационные фургоны профсоюзов оборудованы громкоговорителями и радиосвязью.

Это глаза, загоревшиеся пламенем борьбы, это лица, воодушевленные решимостью, преисполненные волеи к победе. У нас совсем темно. Гигантское кольцо вокруг парламента вспыхивает огнями.

Вот они, американская помощь! Таких голодающих детей на Гаити немало... Снимок из журнала «Сатердей инвинг пост»

ГАИТИ — СТРАНА НЕСЧАСТЬЕЙ...

ГАИТИ, маленькая страна в Карибском море, граничит с Доминиканской Республикой. Американская печать называет ее «единственной независимой негритянской республикой в Латинской Америке».

Соединенные Штаты заинтересованы в сохранении Гаити «качестве постоянного проамериканского противовеса» Кубе, пишет «Сатердей инвинг пост».

«Вот как выглядит «независимость» под сенью Соединенных Штатов! Не подумайте, однако, что «Сатердей инвинг пост», рассказывая о нищете населения, критикует политику США.

РЫЦАРИ РАКЕТНЫХ БАЗ

«НА камнях восседали прекрасные дамы, сияя варварским великопальцевым одеялом и смотря, как сбрасывают с колы».

У НАС В ГОСТЯХ — БРАНКО ЧОПИЧ

На днях в Москву прибыл известный югославский писатель Бранко Чопич с супругой.

ГЕРОИ БЕССМЕРТНОГО РОМАНА И ДАНИЭЛЯ ДЕФО

ГЕРОИ БЕССМЕРТНОГО РОМАНА И ДАНИЭЛЯ ДЕФО поплы на необитаемый остров в результате кораблекрушения.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФЕЛЬЕТОН

Многие состоятельные англичане, уставшие от массовости современной городской жизни, дали, как говорится, тгу на такие маленькие острова.

СЦЕНА ИЗ ОТНУДНЕЙ НЕ КОМИЧЕСКОЙ ОПЕРЫ

Сценой художника Иллигурта из английской газеты «Дейли мейл»

ЛИТЕРАТУРНЫЙ РОБИНСОН

Робинзон — это прежде всего пресупруевший остров. Его годовая оборот — 70 тысяч фунтов стерлингов.

ВОБЫ ЧНЫ И

ВОБЫ ЧНЫ И воскресный полдень провинциального городка, каких на свете великое множество.

МИФОЛОГИЯ АБСУРДА

Жаном-Луи Барро, не так уж нова. С тех пор как предтеча современных модернистов Франц Кафка поведаль о переживаниях мелкого служащего.

БЕРАНЖЕ

БЕРАНЖЕ — Что же вы поставите на ее место? Жан — У природы есть свои законы.

РЫЦАРИ РАКЕТНЫХ БАЗ

«НА камнях восседали прекрасные дамы, сияя варварским великопальцевым одеялом и смотря, как сбрасывают с колы».

У НАС В ГОСТЯХ — БРАНКО ЧОПИЧ

На днях в Москву прибыл известный югославский писатель Бранко Чопич с супругой.

ЧЕРНЫЕ ПРИЗРАКИ

Юношечка. Начало на 2-й стр.
по-моему, некоем с о-
мольского возраста.
Наконец увязать с на-
шей работой?

Мужа бросила «святого духа»
ради. Да не удивляйтесь — перед ва-
ми бывшая сестра во Христе... А во-
обще-то меня зовут Нина Панченко. Я
на сахарном заводе работаю... Если ин-
тересуетесь насчет секты, могу кое-что
рассказать. Только пойдемте ко мне, а
то увидите в окошко Александра Чер-
нышева, и выскочат вместе с нею на ули-
цу бывшие сестры во Христе, и пойдет,
как всегда: — Отступница, дьяволица!
Много тебе партийцы-антихристы дали,
чтоб от Христа отгреклась?

естественности, конституции, литера-
туры, есть даже и сочиненный им во-
девил на религиозную тему под на-
званием «Юность». В нем, грубо вы-
смеивая всякую попытку атеистической
пропаганды, автор дает в беллетри-
зированной форме рецепт вербовки мо-
лодежи в секту. Подготовил он и с
десяток экземпляров стихов для раз-
учивания ребятами и взрослыми.
Стихи следующего загроможденного
содержания:

Нет, счастье мира — призрак ложный,
Всегда кружит он нас во мгле
Не забывай же, прах ничтожный,
Ты лишь прохожий на земле.
И дети, утром в школе произносишь
вслух прекрасные горьковские
слова: «Все — в человеке, все для
человека» — должны были бы вече-
рами тянуть за братом Яковом:

На суд общественности изуве-
ров! — вот как звучало это требова-
ние. Узнал Кайдалов и о том, что на
собрание приглашена «отступница»
Нина Панченко. И тогда он решился.
Вслед за ним пообещали явиться и
другие члены секты.

Горькая эстафета
Хорошее дело, начатое октябры-
цами, сразу же приверженцев в
Корожанском районе на Белгород-
щине. Здесь, в Мичуринском отделении
совхоза, состоялся суд над сектанткой
Ивановой Степановной Жабной. Эта
изверженная в узкое кольцо
идеи и мысли так называемых инсти-
туциональных христиан, уничтожила
все имевшиеся в ее доме документы,
бросила работу в совхозе и побоями,

насилно отлучила от
своих детей —
Анну и Алексея. Отка-
завшись получить при-
читающуюся ей за му-
жа пенсию, Степановна пыталась по-
сылать детей за милостыней в
соседний район. Забитые, голодные,
больные дети нашли защиту у со-
седей... Наконец, доведенный до от-
чаяния Алексей Жабин написал в меж-
районную прокуратуру письмо на имя
прокурора Долгушина: «Мы босые и
голые, без куса хлеба и копейки денег.
Ночую я у рабочего Куртанина, обедаю
где придется, тайком хожу в школу...
Я очень хочу учиться, поэтому прошу
вас помочь мне в этом. Чем мы хуже
других детей?»

Состоявшееся 26 февраля проф-
союзное собрание совхоза единоглас-
но приняло решение: «Простить ко-
миссию по устройству детей и под-
ростков при райисполкоме отнять де-
тей у матери-извержицы...»
Я увидела Жабинку в тот день, когда
народный суд, лишивший ее материн-
ских прав, прислал за детьми маши-
ну. Страшная, изможденная, по-звери-
ному оскалившаяся, с черно-седыми
растрепанными космами, подбела
Степановна Жабина в машине, сжима-
я в руке бутылку с кислотой и це-
лясь ею в ведровое стекло машины.
Ее не оставалось то, что она мо-
жет повредить собственным детям,
уже сидшим внутри, ей было жаль
не того, что она расстанется с ними,
а того, что ребята попали в руки «ан-
тихристов».

НЕ ВЕРЬТЕ ПТЮХИНЫМ!
ПРИШЛО письмо из села Холщевки
Бологовского района, Калинин-
ской области. Рабочий вагонного
депо станции Бологое Николай Птюхин
писал о том, что местные «горе-руководи-
тели», эти «люди вчерашнего дня, ревизи-
онисты и консерваторы, отгородившись от
масс народных своим чиновничеством и
бюрократизмом», что его, рабочего, про-
живающего постоянно на селе, правление
колхоза притесняет, тем самым «разжи-
гает классовую вражду между колхозни-
ками и рабочими». Жаловаться, по его
убеждению, бесполезно, потому что, куда
бы он ни обращался со своими сигналами,
все жалобы возвращаются в Бологовский
горком партии, а тот неизменно отвечает:
«Факты не подтверждены».

Горячая эстафета
Идем во двор. Ничего подобного. Учас-
ток (и немалый — пятнадцать соток!)
добротно обработан.
А вот и сам хозяин. Рослый мужчина
лет сорока пяти, широкоплечий, с хоро-
шим загаром. Представляюсь. Остальных
он и сам знает.
— Приехали, Николай Васильевич, по
вашему письму...
Мы долго беседовали с Птюхиным. Ни
одни из указанных им фактов не подт-
вердился. Он, например, жаловался на то,
что правление колхоза имени Чапаева

ДРАГОЦЕННАЯ РЕЛИКВИЯ

У меня, как одна из
самых ценных реликвий,
хранится письмо Алек-
сандра Максимовича Горь-
кого, которое до сих
пор еще нигде не было
опубликовано. Перечиты-
вая его строки, я вспо-
минаю ноябрьский вечер
1929 года, когда на засе-
дании нашего литератур-
ного кружка мы избрали
почетным членом А. М.
Горького. Это было на
московской обувной фаб-
рике «Парижская Ком-
муна». Выписку из
протокола и письмо, со-
ставленное сообща, мы
послали писателю в Ита-
лию, в Сорренто, где он
в то время жил.

СОЛНЦЕ В ЗЕНИТЕ...
Под солнцем и парашют становится читальней...
Фото читателя Л. Жданова

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

На маленькой станции шумно: ва-
гата парней-насмешников, видно, шифе-
ров, в ожидании своей электрички
осаждали тощего тонокного дедука с
козлиной бородкой, прижимающего к
спине груди бутылку с прозрачной
жидкостью, как выяснилось, «святой
водой» от местной анжарки «бабки
Маши».

лицом к лицу
...На маленькой станции шумно: ва-
гата парней-насмешников, видно, шифе-
ров, в ожидании своей электрички
осаждали тощего тонокного дедука с
козлиной бородкой, прижимающего к
спине груди бутылку с прозрачной
жидкостью, как выяснилось, «святой
водой» от местной анжарки «бабки
Маши».

ПИСЬМО РЕДАКЦИИ

Забывтое наследие
СКОЛЬКО препятст-
вуется на пути
открытия старинных
рукописей! Попробуйте, раз-
беритесь в полуразвалившихся
списках, часто не имеющих
ни начала, ни конца, про-
никните в содержимое
пыльных сундуков с руко-
писями, покопайтесь в раз-
валившемся медреде в надежде
отыскать неведомый ше-
девр Махтумкули или луч-
ший вариант эпоса «Кер-
ембай». Все это так... Но
сейчас речь пойдет не о до-
леком прошлом, не о древ-
них манускриптах времен
последних Саманидов, а о
наследии советских писа-
телей Туркмени.

Забывтое наследие

Забывтое наследие
СКОЛЬКО препятст-
вуется на пути
открытия старинных
рукописей! Попробуйте, раз-
беритесь в полуразвалившихся
списках, часто не имеющих
ни начала, ни конца, про-
никните в содержимое
пыльных сундуков с руко-
писями, покопайтесь в раз-
валившемся медреде в надежде
отыскать неведомый ше-
девр Махтумкули или луч-
ший вариант эпоса «Кер-
ембай». Все это так... Но
сейчас речь пойдет не о до-
леком прошлом, не о древ-
них манускриптах времен
последних Саманидов, а о
наследии советских писа-
телей Туркмени.

ПИСЬМО РЕДАКЦИИ

Забывтое наследие
СКОЛЬКО препятст-
вуется на пути
открытия старинных
рукописей! Попробуйте, раз-
беритесь в полуразвалившихся
списках, часто не имеющих
ни начала, ни конца, про-
никните в содержимое
пыльных сундуков с руко-
писями, покопайтесь в раз-
валившемся медреде в надежде
отыскать неведомый ше-
девр Махтумкули или луч-
ший вариант эпоса «Кер-
ембай». Все это так... Но
сейчас речь пойдет не о до-
леком прошлом, не о древ-
них манускриптах времен
последних Саманидов, а о
наследии советских писа-
телей Туркмени.

ПИСЬМО РЕДАКЦИИ

Забывтое наследие
СКОЛЬКО препятст-
вуется на пути
открытия старинных
рукописей! Попробуйте, раз-
беритесь в полуразвалившихся
списках, часто не имеющих
ни начала, ни конца, про-
никните в содержимое
пыльных сундуков с руко-
писями, покопайтесь в раз-
валившемся медреде в надежде
отыскать неведомый ше-
девр Махтумкули или луч-
ший вариант эпоса «Кер-
ембай». Все это так... Но
сейчас речь пойдет не о до-
леком прошлом, не о древ-
них манускриптах времен
последних Саманидов, а о
наследии советских писа-
телей Туркмени.

ПИСЬМО РЕДАКЦИИ

Забывтое наследие
СКОЛЬКО препятст-
вуется на пути
открытия старинных
рукописей! Попробуйте, раз-
беритесь в полуразвалившихся
списках, часто не имеющих
ни начала, ни конца, про-
никните в содержимое
пыльных сундуков с руко-
писями, покопайтесь в раз-
валившемся медреде в надежде
отыскать неведомый ше-
девр Махтумкули или луч-
ший вариант эпоса «Кер-
ембай». Все это так... Но
сейчас речь пойдет не о до-
леком прошлом, не о древ-
них манускриптах времен
последних Саманидов, а о
наследии советских писа-
телей Туркмени.

СОЛНЦЕ В ЗЕНИТЕ...

СОЛНЦЕ В ЗЕНИТЕ...
Под солнцем и парашют становится читальней...
Фото читателя Л. Жданова

СОЛНЦЕ В ЗЕНИТЕ...
Под солнцем и парашют становится читальней...
Фото читателя Л. Жданова

СОЛНЦЕ В ЗЕНИТЕ...
Под солнцем и парашют становится читальней...
Фото читателя Л. Жданова

СОЛНЦЕ В ЗЕНИТЕ...
Под солнцем и парашют становится читальней...
Фото читателя Л. Жданова